

28 ноября — День матери

Святость в каждом из нас

Мама – это первое слово в устах ребёнка, это святость в каждом из нас. И в горе, и в радости первым самым близким человеком для нас всегда является мама.

Искренне желаем, чтобы забота, внимание, поддержка и помощь от детей и государства помогли бы сохранить каждой матери на долгие годы огонёк любви, надежды и веры в будущее. С праздником вас, милые мамы! Доброго вам здоровья, настоящего материнского счастья, мира и благоденствия!

С глубоким уважением,

В. В. ПОТОМСКИЙ, депутат Законодательного собрания ЛО, фракция КПРФ;
М. Г. ОЛЕШКО, первый секретарь Всеволожского райкома КПРФ

Земной тебе поклон!

*Без сна ночей твоих прошло немало,
Забот, тревог за нас не перечести,
Земной поклон тебе, родная мама,
За то, что ты на белом свете есть.*

*Мама – это солнечный свет,
Взгляд чудесных ласковых глаз.
Сохранит от тысячи бед
И поможет тысячи раз.*

Храни вас Господь Бог!

Пусть не тревожат вас болезни, обойдут стороной беды, пусть вас радуют дети и внуки, живите долго и счастливо на радость своим семьям, родным и близким.

С праздником вас, дорогие мамы.

Татьяна ПАВЛОВА,
депутат Законодательного собрания ЛО

«НАПИШИТЕ ПРО МАМУ» – так назывался конкурс, объявленный для читателей нашей газеты. Их трогательные письма в прозе и стихах, воспоминания и поздравления мы сегодня публикуем.

«Всеволожские вести» поздравляют всех мам, бабушек с замечательным праздником – Днём матери в России! Пусть минуют вас невзгоды, а дети ваши будут вам надёжной опорой в жизни, здоровыми и счастливыми.

Редколлегия

Когда я с женой появляюсь в Минске и оживление первых часов встречи с мамой проходит, начинаются вопросы: «А помнишь?» Несмотря на преклонный возраст, а маме – Александры Вуколовне ни много ни мало – 103 года, у неё ещё прекрасная память и иногда она выдаёт «на гора» такие эпизоды из моего детства, которые я либо не помню вовсе, либо за давностью забыл.

Мама была всегда не только решительной, но в трудных ситуациях и находчивой. Сказалось, видимо, детство, прошедшее в переломные для России этапы: Первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война. В эти годы ей нередко самой приходилось принимать жизненно важные решения.

Родилась она в древнем русском городке-крепости Торопце, в краю голубых озёр и истока великих рек: Волги, Днепра и Западной Двины. Ей было всего два года, когда ушёл из жизни отец. По рассказам старших она представляла его себе как мужественного, справедливого и доброго человека.

После Октябрьской революции семья оказалась в Поволжье. Оттуда мама, будучи 11-летней девочкой, а шла гражданская война, одна решилась поехать в Оршу, к старшему брату. На какой-то станции ночью её обворовали, оставив без вещей и хлеба. Но она доехала, правда, не без помощи военных комендантов, которые, узнав, что она сестра красноармейца, сажали её в поезд без билета и даже снабжали на дорогу хлебом и селёдкой.

В Орше мама по окончании семилетки поступила в «школу ученичества», где получила среднее образование и одновременно специальность техника-железнодорожника. В этой школе она встретила и свою судьбу – моего отца.

После моего рождения, по настоянию мамы, родители покинули дом деда Ивана и бабушки Марьи и стали жить отдельно. Через 4 года после меня родилась сестра Рита. Жить в продуваемой сквозняками старой избушке с малыми детьми стало невозможно. А как раз в это время мамин старший брат переезжал к новому месту службы и освобождал казённую однокомнатную квартиру. Помню, как мы тайком, ночью, въехали в неё.

Председатель профкома железнодорожников пытался уговорить маму освободить квартиру и обещал дать потом другую. Но мама, не дрогнув, отказалась от журавля в небе. Она зна-

ла, что все права на её стороне. Но, чтобы отстаивать их, нужна была решимость.

Отец работал паровозным машинистом и дома бывал редко. Мама тоже работала. Работа была посменная – сутки через двое. Дома была больше отца, успевала переделывать все домашние дела, одно время даже держала поросёнка, и находила время для воспитания и образования моего и Ритино. Так она подготовила меня к школе, и очень кстати, потому что в 1-й класс я не попал по причине отсутствия мест, но был принят во 2-ой. Однако, отсутствие навыков по чистописанию сказало на моём почерке и опрятности ученических тетрадей. Мама настойчиво приучала меня к усидчивости, а ведь манили улица и друзья, и аккуратности. Нередко она по несколько раз заставляла меня переписывать домашние задания, иногда не скупясь на обидные эпитеты.

В те далёкие годы никто ещё не ставил вопроса о том, какие формы наказания детей допустимы, а какие нет. Я рос сорванцом, любил создавать экстремальные ситуации, и выход за рамки допустимого нередко заканчивался для меня «прогулкой» ремнём или бельевой верёвкой по заднему месту. Но я никогда не обижался на неё.

Беспокойство же и забота о том, чтобы мы с Ритой росли здоровыми, были её постоянным состоянием. Когда, съезжая с крутой горы на лыжах, я при падении повредил сухожилие на руке и не мог владеть ею, она обошла всех оршанских врачей и, не услышав от них ни убедительного диагноза, ни прогноза на будущее, повезла меня в Минск к известному профессору-хирургу. И всё это время я видел, как она переживала за меня.

Беспокойство же и забота о том, чтобы мы с Ритой росли здоровыми, были её постоянным состоянием. Когда, съезжая с крутой горы на лыжах, я при падении повредил сухожилие на руке и не мог владеть ею, она обошла всех оршанских врачей и, не услышав от них ни убедительного диагноза, ни прогноза на будущее, повезла меня в Минск к известному профессору-хирургу. И всё это время я видел, как она переживала за меня.

Говорят, что прочность любви познается в расставаньях. Я познал эту истину в начале Отечественной.

Пионерский лагерь, в котором я отдыхал, перебросили из-под уже горевшего Смоленска в Набережные Челны. 4 месяца я ничего не знал о родителях, скучал и переживал. Но какой взрыв радости я испытал, когда мама вдруг приехала за мной! Оказалось, отец разыскал наш лагерь через Московское эвакуационное бюро. Навигация уже заканчивалась, и мы последним паромом прибыли в Саратов к мамину младшему брату, где и дождались отца.

Общее горе Советского государства складывалось в те годы из личных трагедий его граждан, их семей. Глубокие переживания принесла война и в нашу семью. На следующий день после моего отъезда в пионерлагерь мама отправила в Минск к своей старшей сестре Рите. А связь с Минском была потеряна с первого дня войны. И если я был организованно отправлен в тыл и за меня можно было не волноваться, то о жизни Риты, её местонахождении, состоянии было ничего не известно. Помню маму, сидящую у окна полутёмного купе нашего вагона. Что она хотела увидеть в темени за окном? Взгляд у неё тогда был отсутствующий, а глаза влажными. Я понимал, что она думает и переживает за дочь.

В город Ишим, куда определили отца, мы

прибыли в конце февраля 1942 года, и я вынужден был пойти опять в 6-ой класс. Учиться было легко, главной проблемой для нас была еда. Отец почти всё время был в поездках, его кормили в станционных столовых. Забота же о нашем с мамой пропитании полностью легла на её плечи. Я выкупал хлеб. Картошку мама выменивала на свои платья в дальних деревнях, копали мы её «исполну» и у состоятельных крестьян. На молоко и картофель меняла мама на рынке «четвертные» бутылки, привозимые отцом с завода из Ялуторовска. Для топки печки зимой мы с ней ходили в лес за сушняком. Мама умела находить выход из любых затруднений. Умела она и быстро устанавливать доверительные отношения с местными жителями.

В 1943 году я закончил 7-й класс и поступил в Ленинградскую военно-морскую спецшколу, находившуюся в городе Тара. Помню, как при прощании с мамой у меня перехватило горло. Мы оба понимали, что увидимся не скоро.

Мама ежемесячно высылала мне большую часть своей зарплаты, что спасало меня от хронического недоедания. Но эмоциональной поддержкой были для меня мамины письма. Она писала их раз в неделю. Сообщала вести об отце, он работал уже в Москве, рассказывала о себе, давала мне различные наставления. На ночь я клал письмо под подушку и на следующий день перечитывал его.

Наша разлука растянулась на полтора года. В июле 1944 года спецшколу вернули в Ленинград, расформировали и на её основе было создано Военно-морское подготовительное училище. Я стал его курсантом. Но только в феврале 1945 года на зимние каникулы приехал к родителям в Москву. Снова увидел маму, отца и, почти через 4 года, свою сестру. Она была ходя-

чий скелет, но главное – она была жива. Вся семья была в сборе. Мы понимали: какое это счастье, что война обошла нас горем и тяжёлыми потерями.

С той поры я виделся с родителями ежегодно, в свои отпуска. В остальное время, где бы ни был я – в Ленинграде, Баку, Североморске, Севастополе, снова в Ленинграде, – везде меня находили мамины письма. Наша переписка длилась около 65 лет.

Сейчас писем мама уже не пишет – плохо с глазами. Передвигается по квартире со стулом, но сама. Живёт с Ритой в Белоруссии. Но, в каком бы состоянии она ни находилась, в трубке телефона я всегда слышу её бодрый, молодой и звонкий голос: «Как ты там, сынок? Как жена, внуки, правнучка?»

Я упомянул, что у мамы ещё молодой, звонкий голос. В юности она пела в хоре, а на моей памяти, до войны, когда на праздник собиралась у нас родня, она и отец дуэтом пели романсы. Запомнились слова одного старинного романса, который давно не исполняется: «Озеро спит. Замолкли птицы в саду» ...Голос её все такой же молодой и звонкий. Я не говорю о её памяти и ясности мышления.

Уже в возрасте около 80-ти лет мама ездила в свой родной город – Торопец, разыскала там дальних родственников, через них вышла и на тех, кто живёт в Москве, Минске и Санкт-Петербурге. Со всеми установила и поддерживает отношения. Не чужды ей и более глобальные вопросы, включая состояние белорусской экономики, взаимоотношений Белоруссии и России. Внимательно выслушивает она вечерние новости по белорусским и российским телеканалам, а затем обсуждает с присутствующими.

Без излишней скромности должен заметить, что, где бы и кем бы она ни работала – диспетчером, комендантом общежития, инженером в управлении, она везде и всегда относилась к своим обязанностям с исключительной добросовестностью. Как ветерана Великой Отечественной войны и долгожителя, социальные службы обязательно поздравляют маму в дни государственных праздников и дарят ей подарки.

На моём письменном столе, под стеклом, лежит мамино фото. По утрам я мысленно здороваюсь с ней, а вечером желаю спокойной ночи. И мне кажется, что она получает мои пожелания, что они поддерживают её дух.

Давно установлено, что человеческая мысль материальна. Для неё нет преград, и добрые мысли и пожелания – лекарство для тех, кому они посланы. И я верю, что её искренние добрые пожелания мне, и моей семье тоже, оберегают нас от негатива реального мира, создают условия для спокойной и благополучной жизни. А мне душевно легче жить и в меру сил трудиться, зная, что она ещё здесь, ещё с нами и в любой момент я могу позвонить ей и сказать: «Поговори со мною, мама!»

Геральд БАСКО,
профессор, капитан 1 ранга

Поговори со мною, мама!